

Серебрянск
что скрывает
кукла

Вера
Шахова

Вера Шахова

Серебрянск, что скрывает кукла

«Автор»

2026

Шахова В. А.

Серебрянск, что скрывает кукла / В. А. Шахова — «Автор», 2026

Ироничный детектив. Первая книга из цикла про город Серебрянск. Тихий городок, уютная кофейня, забавные питомцы — кажется, о таком спокойствии можно только мечтать. Но провинция хранит секреты почище столичных. Ночное ограбление антикварной лавки, старинная кукла с графским клеймом, исчезновение местного чиновника и загадочная девушка, которая печёт лучшие пирожные в городе, но оказывается совсем не той, за кого себя выдаёт. Вера и её подруга Василиса, археолог по образованию и авантюристка по призванию, оказываются в центре событий. Четыре куклы, спрятанные в разных уголках, ведут их к разгадке легендарного клада. Но каждая находка приближает не только к сокровищу, но и к опасности. Кто из новых знакомых друг, а кто враг? Существует ли клад на самом деле? И главное — что ты готов отдать за то, что считаешь своим по праву крови? Уютный, тёплый, но захватывающий детектив о семье, дружбе и о том, что настоящее богатство измеряется не в золоте. Обложка отрисована автором

© Шахова В. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Вера Шахова

Серебрянск, что скрывает кукла

Глава 1

Год назад на Веру свалилось наследство. Ну как свалилось. Бабуля, которую она видела в последний раз лет пятнадцать назад, до развода родителей, оставила ей домик в маленьком городке Серебрянск. К дому прилагался садик, старый ворчливый пёс по кличке Пёс и ворона Юлька, обожающая таскать в своё гнездо всё, что не приколочено. Одним из условий принятия наследства было проживание в доме не менее трёх лет — только тогда он окончательно становился её собственностью.

В то время Вера как раз поссорилась с парнем, да и с мамой, активно выстраивающей свою личную жизнь, отношения разладились. Нечему и некому было держать её в душном мегаполисе. Так что в институте она перевелась на заочное, собрала чемодан и два часа тряслась в автобусе, направляясь в неизвестность.

Серебрянск оказался милым провинциальным городком с приземистыми домиками, украшенными резными наличниками, огромными липами и очень приветливыми людьми. Пёс встретил Веру сдержанным рычанием, но быстро смирился с её присутствием, оценив по достоинству гречневую кашу с мясом. Юлька же, напротив, с любопытством следила за каждым шагом девушки, не выпуская её ни на миг из поля зрения. Первые дни Вера разбирала вещи, разглядывала фотографии, обживала три небольших комнатки и кухню, бродила по городу, вдыхая запах цветущих деревьев.

Время здесь текло медленнее, чем в столице. На центральной площади у старого фонтана собирались местные жители, неспешно обсуждая последние новости. В маленькой пекарне на углу всегда пахло свежим хлебом и душистыми пирогами с яблоками. Вера нашла работу баристой в кафе «Клара». В конце концов, это лучшее, что она умела делать: варить кофе и тратиться с людьми. А учитывая, что каждый день в Серебрянск прибывали туристы, мечтающие прикоснуться к истории через стены старого монастыря, и охотники за сокровищами, разыскивающие клады, оставленные купцами во времена революции, её способности очень пригодились.

Прошёл год, и Вера ни разу не пожалела, что переехала сюда. К Псу и Юльке присоединилась Алиса — крохотного лисёнка притащил Пёс с прогулки и с тех пор вместе с Юлькой воспитывал. Иногда Вера брала кого-нибудь из питомцев на работу, и выручка в кафе увеличивалась в два раза. Но сегодня она уходила без них.

— Надо прибраться за стойкой, а с вами это невыполнимая задача! — объявила Вера.

Все трое посмотрели на неё с выражением: «И не очень-то надо, мы и тут придумаем, чем заняться. Например, погрызём ножку стола, соорудим нору из покрывала и включим канал «Дискавери», раздербаним пакет с собачьим печеньем». Вера не сомневалась, что так и будет. Замотав вокруг шеи разноцветный шарф, вышла на улицу. От дома полчаса пешком до центра по старым улочкам Серебрянска.

Зимнее утро казалось чудесным. Снег похрустывал под ногами. Дыхание на морозном воздухе превращалось в маленькие облачка пара. Солнце, ещё сонное, пробивалось сквозь заснеженные кроны деревьев, окрашивая сугробы в нежно-розовый цвет. Вера шла по заснеженной тропинке, чувствуя, как мороз щиплет щёки. Девушке нравилась эта свежесть, тишина и даже вредливые мальчишки, запустившие в неё снежком, пробегая по дороге в школу. Она рассмеялась, отряхнула рукав пальто и продолжила идти дальше.

Поворот. Центральная площадь. Очень скоро над ней разольётся кофейный аромат, зазвучит смех. Но кто это у фонтана? О, да это ж Виктор Викторович, начальник отдела благоустройства. Чудесный человек, добрейшей души, но редкостный растяпа и крючкотвор. Единственный во всём городе, кто называл её по имени-отчеству. Впрочем, он всех исключительно так и звал. И единственный, кто заходил к ней не за кофе, а за зелёным чаем. Устроил в кафе филиал офиса. Утверждал, что это очень удобно: неформальная обстановка, люди расслаблены, проще идут на контакт, да и новостей за барной стойкой обсуждается гораздо больше, чем в официальных стенах мэрии. Но что-то он сегодня рано, даже слишком. Вера приветственно махнула ему рукой и пошла навстречу.

— Здрасте, Виктор Викторович. — Она поймала на лету одну из бумажек, унесённую ветром из вороха тех, что рассыпались, когда уважаемый начальник благоустройства, поскользнувшись, сел на пятую точку, выпустив толстую папку из рук. — Эк вы неловкий какой! — Собрала остальные документы и подала в пухлые мужские ручки.

— Потому и начальник! — беззлобно проворчал толстяк, поднимаясь. — Это у меня профессиональное — находить слабые места и устранять их!

— Конечно! — Вера отвернулась на секунду, чтобы успеть спрятать улыбку. Милейший Виктор Викторович совершенно не понимал юмора и не распознавал шуток. Впрочем, это был его единственный по-настоящему крупный недостаток. Повернувшись к нему лицом, она продолжила: — Никто, кроме вас, не нашёл бы этот клочок подмёрзшей лужицы, чтобы на нём растянуться.

— Вот! — Виктор Викторович поднял палец вверх. — А ведь на моём месте мог оказаться турист! Какой урон репутации нашего города! — Он достал телефон, потребовал немедленно прислать дворника к фонтану на площади, удовлетворённо кивнул, отряхнулся и спрятал папку под мышку.

— Вы сегодня рано, — Вера звякнула ключами от кофейни.

— Ох, такое случилось! — вздохнул Виктор Викторович, устраиваясь за любимым столиком у окна.

Пока он рассматривал документы из папки, раскладывая их в нужном порядке, Вера включила кулер. Скоро должны были прийти Лена-кондитер и Клара, хозяйка кофейни, но до их прихода у неё было немного времени разузнать, что так встревожило начальника благоустройства, что он пришёл на три часа раньше обычного и за час до открытия заведения.

Вера поставила на столик две чашки — одну с зелёным чаем для гостя и с кофе для себя. Пододвинула к начальнику блюдце с пирожными — корзиночками со сливочным кремом.

— Угощаю! — Она подпёрла подбородок кулачками и приготовилась слушать.

Виктор Викторович поправил очки, сложил документы в папку, задумчиво почесал пальцем висок.

— Скажите, Вера Сергеевна, а вы крепко спите?

— Чего? — фыркнула Вера от неожиданности, едва сдерживая смех.

— Ничего не слышали ночью?

— Нет.

— А ваша собака?

— Тоже спала.

— Ворона? Лиса?

— Мы спим все вместе на одном диване. Да в чём дело?!

— Да никогда не было, и вот опять. — Виктор Викторович вздохнул и шумно отхлебнул из чашки. Помолчав, продолжил: — Вы ведь знакомы с хозяйкой антикварной лавки «Кладовка Флинта», Василисой?

— Конечно, — улыбнулась Вера, — мы соседи.

— Её ограбили!

— Как?

— А вот это сейчас выясняет наша доблестная полиция. Меня мэр разбудил в полпятого утра! А его и того раньше.

— Зачем?

— Так громкое дело! Говорю же, никогда такого не было! — Виктор Викторович отставил пустую чашку и протянул руку к пирожному. — Бывало, подерутся мальчишки или окно разобьют мячом. В прошлом году украли новые сапоги у старухи, но быстро нашли — это Степаныч, таксист, подвозил её от вокзала до дома и забыл, что в багажнике лежит коробка. А так всё тихо. А тут вот.

— Так вы тут при чём? — Вера подлила из чайника кипяток в его чашку.

— Всем известно, что человек я ответственный, вот мэр и поручил мне держать это дело на контроле! В конце концов я начальник отдела благоустройства нашего города! А какое ж это благо, если горожан грабят? Так что я к вам, Вера Сергеевна, с просьбой: всё, что услышите, узнаете, что вам расскажут — немедленно сообщайте мне!

— А почему не полиции? — заговорщицки шепнула девушка, наклонившись к Виктору Викторовичу, заодно поправляя свечу под чайничком.

— Им тоже, — сурово ответил начальник, ответственный за благо горожан. — Но я должен быть в курсе! Держать руку на пульсе! Сами понимаете, мне, конечно, доложат, но народ, как всегда, будет знать больше!

Это Вера понимала. Чего только не наслушаешься, стоя за стойкой кафе. Можно сказать, она тут вместо исповедальной, сплеточной, признательной и мифической составляющей. Согласно кивнула, забрала свою чашку и пошла за стойку. Как бы ни было любопытно, работу никто не отменял. Намолоть зёрен, проверить кофемашину — не все готовы ждать, когда она сварит в турке, хотя большинство местных приходили именно за её вручную сваренным кофе. Туристы же, все торопыги, им некогда. Чашки, ложки, сахар, чтобы всё было на месте, специи и добавки, молоко, выбрать диск с музыкой на сегодня.

— Привет! — влетела в кофейню Леночка. Вот кто истинная «ведьма» городка. Мастер вкусов, и при этом весила всего пятьдесят килограмм. — Слышала новости? — Она повесила пальто на крючок и поправила перед зеркалом непослушный локон.

— Ограбили Василису, — кивнула Вера, — да, уже знаю. — И указала взглядом на столик у окна.

— О, Виктор Викторович, — расплылась в улыбке Леночка, — я вас не заметила. С меня штраф за невнимательность. Творожное колечко!

— Ну что вы, — кончики ушей начальника отдела благоустройства покраснели.

— Не спорьте! — расхохоталась волшебница-кондитер и скрылась за дверью в кухню.

Следом пришла Клара Петровна, хозяйка. Строгая дама, обожающая женские детективы. И сейчас она была в полном восторге от ограбления антикварной лавки. Вера, глядя на сияющее лицо Клары, могла поклясться, что доблестным полицейским придётся не только искать вору, но и прятаться от весьма активной хозяйки кофейни, желающей разнообразить книжную жизнь реальными историями и расследованиями.

Первые клиенты, смех, сплетни, предположения. Кофейня гудела, как улей, который посетил медведь. Виктор Викторович заказал второй чайник чая и сосредоточенно прислушивался, не выпуская из рук карандаш. Всё, что он услышит, будет аккуратно законспектировано в большую клетчатую тетрадь и впоследствии изучено, сопоставлено, проверено. Он был очень ответственным.

В двери ввалилась бригада строителей.

— Семён? — Вера достала из-под стойки огромную кружку — из маленькой он не пил. — А что вы тут?

— Не поверишь, — конопатый бригадир плюхнулся на круглый табурет, — обрушилась секция строительных лесов. Гришка, охранник, утверждает, что перед хрустом металла слышал чьё-то бормотание, а может, пение. Там сейчас следаки всё осматривают. Нас просили подождать. Ну, сама понимаешь, холодно. Договорились, что здесь будем. Так что сегодня вкусенького?

Вера не успела ответить. За спиной Семёна материализовался Виктор Викторович и утащил его с ещё парочкой работяг за свой столик для подробного расспроса.

— У тебя коньяк есть? — внеся с собой ворох снежинок, в кофейню впорхнула Василиса. Красивая, даже взлохмаченные от ветра волосы её не портили. Повесила шубку на крючок, стащила шарф.

— Я думала, ты будешь весь день в лавке, описывать украденное, — Вера поставила турку на газовую плитку.

— Да какое украденное, — махнула рукой Василиса, усаживаясь на табурет и пододвигая к себе пиалу с орешками, — догаданное!

— Это как? — Вера засыпала в турку две ложки кофе с горкой.

— А так, — захрустела орешками подруга, — дверь сломали, покопались в старых открытках, тех, с видами Серебрянска, ничего не взяли. Зато оставили дивную фарфоровую куклу в платье конца девятнадцатого века. Совершенно чудная!

— Я загляну после работы, посмотрю? — Вера налила в чашку кофе и скрылась под стойкой — у неё там были запасы «на всякий пожарный», и коньяк в их числе.

— Приходи. Лавка всё равно пару дней точно работать не будет. Попросили закрыть для сохранения улик. — Василиса фыркнула, поднося чашку к носу и вдыхая аромат. — Всё-таки, Верунчик, ты ведьма! Так в нашем городе кофе больше никто не варит.

— Цени! — рассмеялась Вера.

— Ценю. — Согласно кивнула хозяйка антикварной лавки и вскрикнула от неожиданности. Виктор Викторович закончил со строителями и теперь жаждал пообщаться с Василисой. Вполне невинно коснулся её локотка, но этого хватило, чтобы остатки кофе из чашки оказались на его рубашке. Взаимные извинения, ворчание. Леночка, тут же выскочившая из кухни под предлогом, что может вывести какие угодно пятна, на ходу расстёгивая рубашку пуговичного, как помидор, начальника отдела благоустройства, увела его в подсобку. День начался.

— Ну что вы, Любочка, — вновь открылась дверь, впуская в кофейню двух заснеженных пенсионеров, — точно вам говорю, в городе завёлся призрак! Или даже целая банда!

«О как, — улыбнулась Вера, ставя на огонь самую большую турку, — а жизнь-то всё интереснее и интереснее! Уже и призраки пожаловали в город! А может, это те самые, что обрушили леса на стройке — всё-таки восстановление старого храма не комар чихнул! А потом забрели к Василисе и оставили ей подарок в знак благодарности за то, что она бережно восстанавливает все эти древности в своей лавке?»

— Мне Степаныч по секрету сказал, пять надгробий в одном углу сдвинуты с места. Не повалены, а аккуратно отодвинуты, будто земля под ними вздулась, — щебетала Эвелина Васильевна, аккуратно прибирая юбку, прежде чем сесть на стул. Она достала из сумки влажную салфетку, протёрла стол, довольно кивнула. Эти двое всегда приходили ровно в десять на чашечку кофе и пирожное. Ритуал. А Вере, благодаря им, даже газету открывать не надо — ходячие источники информации. Правда, всё, что они рассказывали, надо было делить на четыре — в каждую новость они намешивали кучу легенд Серебрянска. Хотя новостные колонки «Вестей городка» тоже грешили излишней фантазией. Оставалось дожидаться служителей закона и свести все новости в одно целое.

Остаток смены прошёл относительно спокойно. Если, конечно, не считать тот факт, что залётные приведения, по уверениям горожан, успели не только обрушить строительные леса, но и похитить парочку туристов, одного кота и рецепт яблочного пирога из штольни напротив.

Туристы, правда, вскоре нашлись сами собой, просто ввалившись в кофейню. Потребовали кофе и горячий киш с рыбой. Кот, по уверению хозяина, спал в шкафу соседки, добросердечно подкармливающей его варёной курочкой. А пирог, что пирог? Найти в городе хозяйку, у которой не нашлось бы парочки других рецептов пирога, крайне сложно. И все они уверяют, что самые удачные пекутся именно по их «секретным» наработкам.

Так что вечером, оставив хозяйку подсчитывать дневную выручку и вздыхать о красавцах – служителях закона, Вера направилась в гости к подруге. Уж очень хотелось посмотреть на таинственный подарок, оставленный Василисе.

Глава 2

— Красивая, — взяла в руки куклу Вера, рассматривая её со всех сторон. — Неужели так ничего и не взяли?

— Нет, — Василиса достала из шкафа пару чашек. — У меня «Наполеон» в холодильнике, будешь?

— А то, — усмехнулась Вера, — когда это я от вкусняшек отказывалась? Слушай, а почему куклу как улику не забрали?

— Так я им не сказала, что она подброшенная! — хлопнула дверцей холодильника подруга и поставила на стол не только торт, но и колбасную нарезку с маслинами. — Желаю сегодня кутить! Ты же красное вино пьёшь, сухое? Правильно помню?

— Угу... — удивлённо протянула Вера, глядя, как подруга расставляет рядом с чашками хрустальные фужеры, страшно представить какого века. — А что за повод?

— Ты под юбку этой красавицы загляни, — вонзила в пробку антикварный штопор Василиса.

Вера послушно задрала кружевную юбку, под которой ничего особенного, кроме полосатых с рюшами панталон, не обнаружилось.

— Приспусти! — посоветовала подруга, разливая по бокалам вино.

Девушка пожала плечами и сделала как было велено. Под льняной тканью, на белой фарфоровой ягодице виднелось клеймо.

— И? — провела пальцем по выжженному рисунку Вера.

— Это одна из потерянных кукол коллекции Воронцовых! — Василиса чокнулась со стоящим на столе фужером подруги и залпом выпила свой.

— Вась, я тут только год, — Вера отложила куклу подальше, чтобы не запачкать, и взяла свой бокал, — может, просветишь, что за коллекция и почему ты в таком восторге?

— Веруня, — Василиса плюхнулась рядом на диванчик, — это очень запутанная история. А вот она, — она указала пальцем на свою находку, — первое реальное подтверждение! В общем, — она налила себе вторую порцию вина, — ты же знаешь историю Воронцова?

— Графа? Это первое, что мне показали — его усадьбу. И про его дух, грустно скитающийся по пустым комнатам, тоже рассказали. Слушай, а у тебя есть что поесть, кроме маслин и торта?

— Пельмени есть, кажется. Я же, знаешь, не особо люблю готовить. — Василиса отправила в рот кусочек колбасы.

— Ну так что там с графом? — спросила Вера, наливая воду в кастрюлю.

— Ну, пельмени под «Бордо» он точно не ел, — рассмеялась подруга, цепляя вилкой маслину.

— Есть лаврушка и чёрный перец?

— Посмотри там, в шкафчике.

— Ну так что там с графом? — повторила Вера свой вопрос, отправляя упругие комочки теста в кипящую воду.

— В общем, Аркадий Николаевич Воронцов был бессовестно богат. Меценат, владелец заводов, пароходов, коллекционер всего на свете. Ну, дом ты его видела, так что сомневаться в уровне размаха не приходится. Так вот, кроме картин и бриллиантов он собирал кукол. Но не простых, а с секретиками. Одни танцевали, другие издавали звуки, третьи были из немислимых материалов. Привозили их со всех концов света. Стоили, как сейчас самолёт. И каждой на заднице, ну, ты видела, ставили графское клеймо. Так вот, после революции ни одну не нашли! Точнее, вообще ни один из оставленных Воронцовым кладов не нашли! Представ-

ляешь? Ни картин, ни украшений, ни заваливавшейся монетки! А ведь всё перерыли! Дважды ремонт делали, стены разбирали — и ничего!

— Так может, у него и ничего не было, — выловила шумовкой всплывшие пельмени Вера, отправляя их в тарелки, — так бывает: жил на широкую ногу, а у самого долгов выше крыши!

— Не тот случай. По легенде, граф всё попрятал. Разделил на несколько кучек и закопал. Думал, что революция закончится, вернётся или так вывезет под покровом ночи. Но не спослось. Убили его в пьяной драке. Не суть. Один из слуг проговорился, что была у графа кукла, ступня которой служила ключом к одному из замков сундука с сокровищами! Где спрятаны сундуки, не признался. Однако сам факт, что нашлась одна из тех кукол, говорит о том, что клад как минимум был! И, возможно, ещё дожидается, когда его выкопают! Ммм... да, Воронцов много потерял, не попробовав такие пельмешки!

— Подожди, Вась, — Вера потрянула головой, — хорошо, одна кукла нашлась, и может быть, даже из той самой коллекции, но может, он её распродал, подарил, потерял при побеге. С чего ты взяла, что клад ждёт именно тебя?

— А с того! — Василиса положила вилку на стол, встала, подошла к кукле и сняла с неё один башмачок. — Смотри!

Под обувкой куклы вместо ступни оголялся обрубок, заканчивающийся полусферой с выступающим на ней гербом Воронцова.

— Я уверена, что это ключ! И в лавку ко мне проникли не просто так — искали документы Воронцова. Несколько дней назад у меня действительно была оригинальная переписка графа с сестрой, которая за несколько лет до революции вышла замуж за бельгийца и укатила за границу. Но я их все передала Людмиле Петровне.

— Зачем?

— Они мне достались в плохом состоянии, а она спец по таким вещам. Обещала восстановить что сможет. При её упёртости уверена, что реанимирует всё!

— Ты никому не говорила?

— Только тебе! Не думаю, что письма будут искать у старушки-архивариуса. Все уверены, что сейчас она только редкие сорта чая коллекционирует.

— И всё же давай завтра в твою лавку сходим. Хочу посмотреть на открытки, те, с видами Серебрянска. У меня как раз два выходных. Я вообще вот что думаю, Вась: все эти сегодняшние происшествия связаны — и твоё недоограбление, и поваленные леса на стройке, и то странное на кладбище. Полицейские сегодня весь день у меня в кофейне народ допрашивали, но решили, что это всё разные дела. Но у них нет куклы. А вот с этой красавицей как раз всё складывается.

— Верунь, ты серьёзно думаешь, что наследники примчались за наследством?

— Не обязательно наследники. Мало ли сюда кладоискателей приезжает?

— А как, кстати, погиб граф?

Василиса вернула кукле башмачок и усадила её на кушетку между двумя плюшевыми медведями. Побултыхала остатки вина в бутылке, долила себе в бокал, сделала небольшой глоток, плюхнулась обратно на диван и посмотрела через сверкающие грани фужера на свет.

— Аркадий Николаевич сидел на перроне и ждал поезд, который увёз бы его в Париж, когда между носильщиками возникла драка. Как там было на самом деле, мы уже не узнаем, но, когда их разняли, граф лежал мёртвый, а его багаж исчез.

— Видимо, наша красotka — привет из той истории. — Вера собрала со стола посуду и закинула в мойку. — Вась, думаю, нам надо пройти по всем точкам. Сначала зайдём в твою лавку, потом сходим в усадьбу. Просто хочу посмотреть ещё раз, как люди жили. Заскочим на стройку, а после — на кладбище.

— Не, на кладбище это без меня! — замахала на неё руками подруга. — У меня аллергия на мертвецов.

— Ага, — рассмеялась Вера, — и это мне говорит человек, десять лет мотавшийся по археологическим раскопкам!

— Мне хватило! — отчеканила Василиса, отправляя пустую бутылку в ведро.

— Хорошо, схожу сама. Но если я там заблужусь...

— Кричи «ау», Степаныч тебя спасёт! — фыркнула Василиса.

— Всё, подруга, посуду помоешь сама, а я пошла кормить зверёнышей. Чую, мне сейчас выскажут всё, что про меня думают! — Вера чмокнула подругу и пошла обуваться.

— Ты их в следующий раз с собой бери.

— Чтоб ты мне выставила счёт за погрызенное и честно одолженное? Нет уж, лучше ты к нам. Значит, завтра в девять я у тебя! Всё, пока! — Вера обняла Василису и вышла в ночь.

Мягко падал снег. Тишина обнимала улицы. Казалось, что ничто в целом мире не способно разрушить умиротворение, щедро разлитое в воздухе. Вера открыла рот и поймала на язык снежинку. Есть такая примета, что, если успеть загадать желание, пока снежинка не превратилась в капельку, — оно обязательно сбудется. Снежинка, конечно, растаяла. Но это совершенно не огорчило девушку. Она всегда верила в свою счастливую звезду. И пусть сейчас её не видно за тучками, это не значит, что она не светит. А значит, всё не просто так случается — всегда только к лучшему! И сейчас, слушая, как хрустит под сапожками снег, Вера была уверена, что её ждёт что-то невероятно интересное, а главное — очень хорошее!

Глава 3

Зимнее утро прекрасно своей неспешностью. Сладко зевая, медленно из-за деревьев выползал рассвет, заползал в приоткрытую форточку, стекал на подоконник, прислушиваясь к запахам. Аккуратно касался тёплых булочек, заглядывал в кофеварку, щекотал Юлькины перья и приглаживал шёрстку Алисы. Пёс, как самый старый и мудрый, накрывал первые солнечные лучи лапой, прерывая их скольжение по дому. Ещё слишком рано для подъёма.

— Не бурчи, — сонно гладила собаку за ушами Вера, — лучше пойдём со мной, поможешь поймать грабителей. Они, конечно, ничего не украли, даже наоборот, оставили, но тебя же это не остановит в поисках истины, верно?

Пёс что-то буркнул, наступил девушке на ногу, махнул по колену хвостом и спрятался под стол. Ему совершенно не хотелось выходить в это холодное утро, в котором не было ничего, кроме снега.

— Ну а ты? — спросила Вера у Алисы, только что носившейся по кухне, изображая ту самую кукушку, что на днях сломалась в старых ходиках и принялась голосить каждые пятнадцать секунд. Пришлось отключить. Лисёнок тут же нырнул под брюхо собаки, выражая полную солидарность с псом — покидать тёплый дом в такую стужу дураков нет.

— А ты что скажешь? — повернулась Вера к сидящей на двери Юлке.

— Кар-р-р! — Ворона сорвалась с места и, схватив кусок колбасы, вернулась на наблюдательный пост.

Вера пила кофе, Пёс с Алисой храпели под столом, а Юлька, закончив с колбасным кружком, уселась девушке на плечо. Видимо, сегодня ворона будет штурманом. Что ж, с завтраком покончено. Вера оделась, захлопнула дверь и быстрым шагом направилась в Серебряный переулок, где в очаровательном антикварном магазинчике «Кладовка Флинта» её уже ждала Василиса.

— Надеюсь, ты предупредила Юльку, что здесь можно смотреть, а брать — нет? — широко улыбнулась подруга, открывая дверь.

— Всё, что плохо лежит, по умолчанию подлежит реквизиции, — Вера обняла приятельницу и прошла внутрь. — Не бойся, если что, найдём пропажу у меня на чердаке, между связкой сушёных рыб и бусами бабы Нины. У нас там сокровищница, да, милая? — Вера провела пальцем под подбородком птицы, отчего та блаженно зажмурилась.

— Ладно, посмотрим, насколько вы благородные разбойники. Чай будешь? — Василиса забрала Верино пальто. — Открытки на столе.

— А кукла?

— Дома оставила. Решила, что там целее будет. Так будешь чай?

— Нет. Лучше расскажи, что в этих открытках есть такого особенного?

— Да ничего, говорю же! — Василиса села на подлокотник кресла, нависнув над Верой прекрасной нимфой. — Самые обычные открытки, и даже не особо редкие. Вот это, — она ткнула пальчиком в одну из картинок, — старая пожарная каланча, снесли несколько лет назад. Совсем посыпалась. Графский дом до революции. Так выглядела парадная лестница при Воронцове. Красивая, да? Во время войны её разбомбили, а при реставрации решили не заморачиваться и не восстанавливать оригинальные полукруглые формы, сделали просто ступеньки. Вот смотри, какая статуя Артемиды. Греческий мрамор. Чудом удалось сохранить. В прошлом году столичный музей пытался выкупить, не дали. О, кстати, глянь, как думаешь... Ах ты... Вера, ну сделай что-нибудь!

Юлька, до этого мирно сидевшая на Веринем плече, резко встрепенулась. Чёрные глазбусины сверкнули озорным огнём — и через секунду птица уже взмыла под потолок, выхватив из стопки верхнюю открытку.

— Юлия! — Вера выпрямилась, пытаясь придать лицу строгое выражение. — Немедленно спускайся!

В ответ — только нахальное «Кхррр» и взмах крыльями. Юлька устроилась на люстре и, зажав открытку в клюве, принялась сосредоточенно ею размахивать, словно проверяя картонку на прочность. Затем, к ужасу Веры, ворона ловко перевернулась вниз головой, зацепившись лапкой за хрустальный рожок, и замерла, продолжая сжимать добычу.

— Лишу сладкого! — пригрозила Вера.

— Кхррр... — донеслось сверху. В звуке явственно слышались насмешливые нотки.

Юлька перелетела на антикварный шкаф и теперь важно вышагивала по верхней полке, с любопытством заглядывая в корешки старинных книг.

— Ты очень рассердишься, если я её венником? — заговорщицки шепнула Василиса.

— Ты сначала попади, — отмахнулась Вера, но кулак в сторону вороны всё же погрозила. Для порядка.

Быстро потеряв интерес к книгам, Юлька спикировала на подоконник. Там, под огромными часами в виде совы с шестерёнками — чудом техники девятнадцатого века — стояла забавная статуэтка. Карлик со светло-оливковой кожей, огромным шарообразным животом, тремя ногами и восемью зубами в широкой улыбке восседал верхом на человеке в одних панталонах. В правой руке уродец держал корзину с драгоценными камнями, в левой — золотой сосуд с монетами. В панталонах несчастного имелось отверстие-копилка.

Юлька немедленно оценила конструкцию и попыталась запихнуть открытку именно туда. Картонка упиралась, гнулась, но не лезла.

— Да что ж ты делаешь, разбойница! — всплеснула руками Василиса.

Поняв тщетность своих усилий, ворона бросила открытку и, как истинная дама, переключила внимание на алую бархатную шляпку. Вера мысленно отметила: головной убор вороне определённо шёл больше, чем плюшевой медведице.

— Странно, — Василиса подняла открытку и повертела её в руках. — Я уверена, что у меня такой не было!

— Может, просто не замечала? — Вера подошла ближе, заглядывая через плечо подруги.

— Да я каждую булавку в своей лавке знаю! — фыркнула Василиса. — К тому же это кабинет Воронцова. Только ракурс очень странный.

— Чем же? — Вера забрала картонку и направилась обратно к креслу — разгадывать загадки сидя всегда удобнее.

— Окно, стол, чучело вороны...

Вера выразительно покосилась на свою птицу. Та уже умудрилась нацепить шляпу и теперь с упорством, достойным лучшего применения, стаскивала с медведицы бусы. На грозные взгляды хозяйки Юльке было глубоко плевать. Уходить из лавки без трофеев она явно не собиралась.

— Вот именно: чучело, стол, окно! — Василиса, не обращая внимания на возмущённое воронье карканье, забрала медведя и заперла в шкаф. Шляпа осталась на вороне — та ловко увернулась от цепких рук хозяйки и теперь взирала на обеих с высоты шкафа с глубоко оскорблённым, даже презрительным видом.

— Граф терпеть не мог чучел животных, — продолжила Василиса, шумно выдохнув, — хотя и слыл прекрасным охотником. И стол у него стоял не у окна, а справа — чтоб в темечко не пекло. И эти цветы... Сухоцветы? Станный выбор для делового человека. Тут всё не так!

— Вот что, подруга! — Вера вскочила с кресла, чувствуя, как азарт закипает в крови. — Пошли в усадьбу! Посмотрим, что и как там стоит. Чую, всё здесь не просто так! Руки чешутся распутать этот клубок.

— Непонятности пусть полиция распутывает, — поморщилась Василиса. Ей, как и псу подруги, совершенно не хотелось выходить на мороз.

— Да не будут они ничего расследовать! — Вера решительно развернула подругу лицом к выходу. — Все происшествия расценили как мелкое хулиганство. Подумаешь, дверь подломили? Ничего же не пропало. Нет пострадавших — можно и не торопиться.

— Как это нет?! — Василиса ткнула пальцем себе в грудь. — Я потерпевшая! Это ко мне влезли и дверь вынесли!

— Так тебе и компенсацию оставили — куклу! — парировала Вера. — По твоим же словам, она стоит как чугунный мост!

— Боинг! — поправила Василиса. — Как боинг!

— Ну, ещё неизвестно, что дороже. Мост потяжелее будет. Так что давай, обувайся и пошли! Спасение пострадавших — дело рук самих пострадавших! Тайны, ждите нас! Мы идём!

Вера закутала нос в шарф и щёлкнула пальцами — условный знак для Юльки, что пора уходить. Ворона тут же спикировала на плечо, гордо разглядывая своё отражение в старинном зеркале. Алая шляпа сидела на ней идеально.

Хорошие, снежные, морозные дни. На улице искрился снег, вспыхивая миллионами снежинок на холодном зимнем солнце. Деревья, словно пухом лебяжьим осыпанные, убаюканные вчерашней метелью, неспешно просыпались. Воздух был до того свеж, что его хотелось пить. Что тут скажешь — январь.

Но любоваться красотами некогда. Подруг ждала старая усадьба. Дом графа Воронцова, символ аристократического величия, каждый раз поражал восстановленными интерьерами, подлинной мебелью, широкой лестницей из холла на второй этаж. В межлестничном пролёте висело огромное, в два человеческих роста, зеркало в витиеватой оправе, охраняемое парой мраморных мужских фигур, у ног которых прикорнули каменные псы. Потолок и стены расписаны сценами охоты античных богов в сине-золотой гамме.

Охранник попытался воспрепятствовать проходу Юльки в музей, но разве за ней уго니шься? Девушки взбежали вверх: раз, два, три... семнадцать ступенек. Свернули по коридору направо. Василиса шла быстро, Вера едва успевала. Хорошо, что их тут все знали и любили — никаких вопросов ни от зрителей, ни от экскурсоводов,водящих восторженные группы, не возникло.

— Это здесь! — Василиса толкнула тяжёлую резную дверь, ведущую в небольшую комнату.

Вера осмотрелась. Всё как на открытке — даже обои подобраны в цвет. Два кресла, кушетка, книжный шкаф, письменный стол, мягкий стул с подлокотниками. Зимний пейзаж за окном придавал кабинету особое очарование: снежные сугробы, пушистые ели, за рекой белел монастырь, похожий на средневековую крепость.

— Я бы здесь поселилась! — выдохнула девушка, борясь с искушением немедленно упасть в одно из кресел. Предварительно, конечно, порывшись в книжном шкафу.

— Губа не дура, — фыркнула Василиса. — Присматривай за Юлькой. Нахимичит — и ни тебя, ни меня сюда больше не пустят!

— Не переживай, она умница, правда? — Вера повернулась к вороне.

— Кхрр... — Юлька довольно прижалась к хозяйке.

— Дай открытку, — Вера протянула руку.

— На...

За окном открывался почти идентичный пейзаж: белые стены, бойницы, купола, деревья, замёрзшая река. Не хватало лишь пары теней. На открытке у стены монастыря стояли две фигуры. Вера перевела взгляд снова в окно — и отшатнулась, наступив Василисе на ногу.

— Ты чего? — возмутилась та, отпрыгивая.

— Там! — ткнула пальцем в окно девушка.

— Ничего не вижу.

— Они там!

— Да кто?

— Те двое! С открытки! Смотри!

— Там никого нет, не выдумывай!

Действительно. Где только что прямо из снега возникли две серые тени, за секунды выросшие из малюток в гигантов, упёршихся макушками в верхний край монастырской стены, сейчас мирно покачивали ветвями две ивы.

— Клянусь тебе! — Вера схватила подругу за руку, сжимая ладошку. — Они были такие реальные, серые, выпуклые! И сцепились ладонями — вот так! — Она оттопырила большой палец вниз.

— Фантазёрка! — отмахнулась Василиса. Она во всё это не верила — ни в призраков, ни в чертей. Хотя при этом исправно плевала три раза через плечо при виде чёрной кошки и трижды стучала упавшей ложкой об пол. Парадокс.

— Хотя, знаешь, — Василиса задумчиво почесала подбородок, — был случай с одной из горничных Воронцова. Она однажды без видимых причин отказалась убираться в кабинете, а после и вовсе попросилась в послушницы. Поговаривали — из-за призраков. Вот только в то время их здесь точно не водилось. Пошли.

— Куда?

— К Людмиле Петровне! Все призраки прошлых времён живут у неё в подвале.

— Чего?

— Верунь, включи мозг! — рассмеялась Василиса, чмокнула подругу в нос и тут же уткнулась в требовательно подставленную Юльку. — У кого, как не у главного архивариуса, пусть и на пенсии, можно разузнать всю правду и сплетни нашего городка?

— Ну, ты голова! — Вера улыбнулась. — А пошли! Только через службу доставки. Мне как раз чай должен прийти, кенийский. Купим ещё имбирь и сладости, чтоб с непустыми руками вваливаться в гости.

— Соображаешь! — Василиса согласно кивнула, спрятала открытку в карман, и девушки спустились в раздевалку, больше похожую на старинный чулан.

Глава 4

— Знаете, что такое чай? — Людмила Петровна обдала кипятком пузатый заварник. — Нет, я сейчас не про заливание кипятком бумажного пакетика. Я про то, чтобы позволить себе минут на пять выпасть из этого мира. Да, вот так – с кружкой, уютно устроившись в любимом кресле, с котом на коленях, в смешных полосатых носках и натянутом на голову капюшоне с заячьими ушами. Замереть, погрузив нос в аромат дымящейся чашки, глядя на проплывающие за окном облака, прыгающих по люстре солнечных зайчиков и смешные тени на стене.

Человек, который просто сидит и смотрит в одну точку, обычно вызывает подозрения: «Что случилось?», «Ты не заболел?», «Может, доктора?» А человек с чашкой чая — вне подозрений. Чай — это священнодействие! Те самые пять минут любования миром, которые никто не имеет права нарушать. Даже собственные, жизнерадостные тараканы тихонько забиваются в угол и замолкают. А если в чашке ещё и ароматные травы, шепчущие о лете и любимом цветастом платье... Пусть весь мир подождёт! Правда?

Хотя нет, мир может спешить куда ему вздумается, а мы посидим и подождём, пока не почувствуем, что снова готовы окунуться в его бесконечную круговерть...

Вера смотрела на хрупкую седую женщину, расставляющую на круглом столе, покрытом белой кружевной скатертью, тонкостенные чашки с вензелями. На блюде с печеньем, на статуэтку лебедя, держащего между крыльями льняные салфетки, на изящные чайные ложечки. И поймала себя на мысли: это не она приехала из столицы в провинциальный городок, а провинциальный городок пытается привить ей хорошие манеры, о которых девушка напрочь забыла. Вера до сих пор ела на бегу, периодически пила из пластиковых стаканчиков и, что скрывать, могла выскочить из дома, замотав волосы в гульку и натянув драные джинсы. А на Людмиле Петровне — кокетливое платье чуть выше колен, винтажная брошь на груди, седые волосы уложены в причёску. Ньюдовая помада, туфельки на невысоком каблучке. И это — домашний вид! Вере стало стыдно за свой бесформенный, пусть и очень удобный свитер и штаны, со всех сторон утеплённые шерстью любимого пса. Но Людмила Петровна, словно прочитав её мысли, лишь улыбнулась и пригласила к столу. Ей было безразлично, во что гостя одета. Люди глубокой души такие – никогда не смотрят на обёртку, только внутрь.

— Василиса, письма, что ты принесла, – просто чудо! — Людмила Петровна разлила по чашкам кипяток. — Я, правда, ещё не всё восстановила, но какой слог у Аркадия Николаевича! Зачитаешься. Извините, я на минутку.

Хозяйка, ровно стуча каблучками, скрылась на кухне и через минуту вернулась с кусочком сырой печени на блюде.

— Это Юлечке. — Она поставила блюдо на подоконник. — А то нехорошо получается: мы угощаемся, а такая прекрасная птица останется голодной.

Юлька легонько цапнула Веру за ухо и сорвалась к лакомству. Всё правильно. У них дома всё по-простому — из фарфоровой посуды даже Вера не ела, что уж говорить о вороне, даже если та в красной шляпе.

— Людмила Петровна, — отхлебнула чай Василиса, — а что вы знаете о призраках в доме Воронцова? Могла его горничная действительно их видеть?

— Маланья? — хозяйка пододвинула к ним пиалу с вареньем. — В доме — нет, а вот за окном – видела. По крайней мере, так утверждала.

— Ой, расскажите! — Вера чуть не подпрыгнула на стуле, корча рожу Василисе: «Ну я же говорила, что они есть!»

— Маланья была славной девушкой, работающей. Вот только влюблена была в графа, как мартовская кошка. — Людмила Петровна опустила в чашку кусочек сахара.

— А он? — не выдержала паузы Вера.

— А что он? На целую жизнь старше. Нет, граф испытывал к ней исключительно отеческие чувства. Ходили слухи, что она его внебрачная дочь, но я в это не верю! Воронцов, конечно, так и не женился, но был человеком чести. Скорее уж взял сироту и опекал, как мог.

— А призраки? — Вера бесцеремонно перебила старушку. Все эти моменты — кто с кем спал, от кого имел детей и воспитывал — девушку не интересовали.

— Маланья говорила, что они стоят у монастырской стены, как два стражника, и указывают ей на предназначение. Мол, не место ей в барском доме. Так пальцем и указывали. Вот только никто, кроме неё, их не видел.

— А может быть такое, — Вера положила клубничную ягоду из варенья на печенье и отправила в рот, — что эти призраки появляются только в определённое время? Например, ровно в десять двадцать, когда солнечные лучи отражаются от какой-нибудь штуки? И только на пять секунд? И указывают пальцем на клад?

Василиса залилась смехом — она всегда считала подругу фантазёркой. А вот Людмила Петровна задумалась. Через мгновение встала и вышла в другую комнату, откуда вернулась с ворохом листков, исписанных ровным каллиграфическим почерком с завитушками.

— Я, конечно, ещё не всё восстановила в письмах графа, — она снова села за стол, — но вот в письмах к сестре, Анне Николаевне, он упоминает некий потусторонний знак, указывающий на место, где искать припрятанное во время революции сокровище.

— Неужели оно и вправду существует? — воскликнула Василиса, и Вера увидела, как заблестели глаза бывшего археолога.

— Существует! — улыбнулась Людмила Петровна, передавая ей свои записи. — Только найти его будет непросто. Воронцов пишет, что к нему ведут четыре ключа. И только если собрать их вместе, они укажут место. Вопрос лишь в том, где эти ключи и сохранились ли они до сих пор.

— Так может, эти призраки указывают на один из них? — Вера почувствовала, что уже едва сидит на месте от возбуждения. Казалось, стоит прямо сейчас побежать под монастырскую стену, раскидать снег — и под ним окажется сундук, полный... неважно чего, но это было ей просто необходимо!

— А не знаете, под монастырём есть тайные ходы?

— Не без этого, — улыбнулась старушка и подлила Вере чаю. — Вот только их почти все давно замуровали, чтоб любопытные не совали носы. Несчастные случаи совсем не нужны этому городу.

— А у вас есть планы монастыря? Ну, где были эти жутко опасные подземелья?

— У меня нет. Но можно посмотреть в архиве.

— Покажете?

— Это вам к Виктору Викторовичу надо! — хозяйка подложила варенье в пиалу. — Он, как начальник отдела благоустройства, может дать разрешение на изучение старых карт. Но придётся сильно постараться. Не любит он допускать посторонних к ценнейшим документам. А карты — музейная редкость.

— Вот только он их в музей не отдаёт! — фыркнула Василиса.

— Это потому, что у них нет документа на документ, подтверждающего, что под стеклом стенда в выставочном зале эти реликвии будут в безопасности!

— Людмила Петровна, вы гений! — Василиса прижала к груди ладони, сложенные лодочкой. — Я так ему и скажу: мне нужно изучить эти карты, чтобы изготовить точные копии для музея и сувенирные для лавки. Уверена, Виктор Викторович не откажет!

— А я ещё прихвачу Леночкины творожные колечки! — подхватила Вера. — Наш начальник благоустройства просто не может перед ними устоять!

— Подкуп должностного лица при исполнении... — насмешливо посмотрела на них хозяйка дома.

— ...равняется найденным сокровищам! — закончила за неё Вера, откусывая кусок от печенья и запивая чаем.

Глава 5

В воздухе кофейни «Клара» витал пьянящий аромат свежееиспечённого имбирного печенья, щедро сдобренного корицей и мускатным орехом. Чашка горячего шоколада с шапкой воздушного маршмеллоу обжигала руки теплом. За окном падал снег. На столе мерцала тёплым светом пластиковая свеча, освещающая бумаги Виктора Викторовича.

— Вы, Василиса Васильевна, женщина умная, грамотная, я бы даже сказал — талантливая! Опять же, приносите большую пользу городу, помогаете сохранить и приумножить историю нашего города! — Начальник отдела благоустройства отхлебнул из чашки остывший чай, чуть поморщился, досадливо скривив губы. — И при всех ваших достоинствах не желаете понимать, что просите совершенно недопустимые вещи! А если кто-то вдохновится вашими сувенирными картами, пойдёт откапывать проходы, и ему кирпич на голову упадёт? Кто будет виноват? Кто, я вас спрашиваю?

— Так я эти проходы на два метра в сторону смещу, чтоб никто не догадался! — парировала Василиса и сунула подошедшей к их столику Вере пустой чайник. — Давай по-быстрому, его любимый, а то до морковкина заговенья просидим! — быстро шепнула она подруге, делая страшные глаза в сторону кухни.

Вера молча кивнула и побежала заваривать земляничные чай с мятой. Каждая женщина знает: прежде чем выпросить что-то у недовольного мужчины, надо его умаслить. А если он ещё и чаеман, и сластёна — вопрос решается гораздо проще.

Вернувшись со свежесваренным чаем и десятком творожных колечек на тарелке, Вера поняла, что чуть не опоздала с умасливанием. Эти двое были готовы подраться. Воздух вокруг них искрил так, что запросто можно было запитать небольшую электростанцию — на освещение отдельно взятого Серебрянска хватило бы с лихвой.

— Не забывайте, Василиса Васильевна, кто помог вам обустроить лавку, эту вашу «Кладовку Флинта», — шипел Виктор Викторович, прикрываясь от посторонних бумагами из папки.

— Не за просто так, уважаемый Виктор Викторович! — не сдавалась подруга, нервно хлопнув ладонью по столику.

— А вот не надо мне напоминать про мелкую услугу, к тому же давно оплаченную! Я ведь тоже могу кое-что припомнить. Например, череп, на котором вырезана карта неизвестного государства, и про который вы всем говорите, что это шутка коллег на ваше тридцатилетие. Но я-то знаю, откуда он на самом деле взялся. Да и кроме него в моём шкафу достаточно ваших скелетов прячется. Могу выпустить парочку наружу!

— Сделайте милость, выпустите, пожалуйста! — отмахнулась Василиса. — А то запылились, поди, мои скелетики, заскучали. Выведите их на свет божий, косточки проветрить. Только вот боюсь, ваши-то скелеты окажутся куда интереснее моих. Кто знает, какие тайны скрывает ваш шкаф, Виктор Викторович? Может, там целая археологическая экспедиция поместится. А я, как вам известно, большой мастер копать!

— Смотрите не закопайте себя случайно! — пыхтел начальник отдела благоустройства, хлопая пухлой ладошкой по бумагам. — У меня тут всё запротоколировано: каждое слово, каждый шаг, каждый вздох! Я всё про всех знаю!

— А вот и чай с вкусняшками! — вклинилась Вера в их спор, расставляя на столе чашки, чайник и блюдо с пирожными.

При ней спорщики тут же сменили тему со скелетов на более пристойную.

— Знаете, Виктор Викторович, вы, как начальник благоустройства, должны чтить историю. И как сказал Наполеон: «История — это ложь, с которой все согласны». Так давайте вместе согласимся, что этот документ должен быть изучен, а не пылиться в вашем архиве!

Начальник отдела благоустройства только вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Василиса Васильевна, вы, как археолог, склонны преувеличивать. И, как все археологи, считаете свои раскопки самыми важными в чьей-либо жизни. А у меня тут город, деревья, бордюры! Не до карт мне сейчас. Мне нужно думать о благополучии наших жителей, чем я сейчас и занимаюсь!

— Виктор Викторович, как вы любите повторять: «В человеке, как и в городе, всё должно быть прекрасно: и лицо города, и душа». А у нас что? Бордюры прекрасные, а душа города спит под слоем бетона! А карта может показать, где именно. Давайте потратим чуть-чуть времени, чтобы освободить её. И даже не вашего времени, а нашего.

— Василиса Васильевна, «время — деньги», как говорят американцы. А у меня нет времени объяснять вам, почему старая карта менее важна, чем новые тротуары. Да и, честно говоря, боюсь, вы там такого накопаете... Потом скажут, что из-за вашего любопытства у меня тут весь город провалился в тартарары и нужно отстраивать его заново! Нет уж, спасибо. Мне роба к лицу не пойдёт! Так что карта останется в архиве. До лучших времён, так сказать. Вот выйду я на пенсию, может, тогда и покопаетесь.

Тут Вера, всё это время прислушивающаяся к спору из-за барной стойки, не удержалась и фыркнула. Эти двое так на неё глянули, что будь она тостом — уже бы сгорела. Но она выстояла и даже не поджарилась. При этом решив, что пора спасать ситуацию.

— Виктор Викторович, — начала Вера с самого верного средства – подхалимажа, — какая пенсия?! Такой красивый, а главное — умный мужчина не должен об этом даже думать! Мы же без вас пропадём! Кто ещё будет с такой тщательностью следить за порядком и благополучием жителей Серебрянска? Вот даже Леночка, наш кондитер, когда я сказала ей, что беру творожные колечки для вас, сказала, что не встречала более ответственного и обаятельного человека, чем вы. И положила самые пышные пирожные!

— Так и сказала? — недоверчиво прищурился Виктор Викторович.

— Я вам больше скажу, только по секрету, хорошо? Леночка очень стесняется признаться, но вы ей чудовищно нравитесь! — Тут Вера получила существенный пинок по икре от Василисы, но останавливаться не собиралась. Во-первых, Леночка действительно давно присматривалась к начальнику благоустройства как к перспективному будущему мужу. Во-вторых, Виктор Викторович и сам заглядывался на красавицу-кондитера. В-третьих, на этой теме, если правильно всё разыграть, можно было получить желаемое. А в-четвёртых, Вере самой надоело смотреть, как эти двое ежедневно накручивают круги друг вокруг друга, как слепоглухонемые дельфины.

— А хотите, я вам свидание устрою? — не дала Вера опомниться Виктору Викторовичу и получила второй пинок от Василисы. — Приходите вечером на каток. Леночка каждый вечер там бывает. Сможете пообщаться не как большой начальник и кондитер скромной кофейни, а как два простых человека. Кстати, — протянула начальнику всех благ блюдо с пирожными Верочка, — скоро день города, и вы, как всегда, будете заказывать сладости из столицы. А предложите в этот раз Леночке их приготовить! Скажите, что её пирожные во сто крат лучше столичных! Уверена, она не устоит перед таким комплиментом!

— Ну, я не знаю, — неожиданно смутился Виктор Викторович, и кончики его ушей покраснели, — как-то неудобно. Для всех будет праздник, а Леночка у плиты будет стоять?

— Не стоять, а руководить! — не сдавалась Вера. — Пригоним студентов из кулинарного, вы ведь сможете договориться, чтоб им в зачёт пошло?

— Я всё могу! — пробурчал начальник благоустройства, жуя творожное колечко. — А Леночка не будет против?

— Что вы, — Вера подлила ему горячего чая, — она будет просто счастлива! Я вот что подумала, Виктор Викторович: наш Серебрянский монастырь всегда славился своими калачами и пряниками. Давайте замутим что-то тематическое? Скажем, что вспоминаем традиции

нашего города. Как когда-то в день основания всех угощали горячим чаем и исконно русскими блюдами! А какой вам будет почёт за эту идею! Представьте: девчонки и мальчишки в национальных костюмах зазывают на ярмарку. А ярмарку мы устроим прямо у входа в монастырь. Поставим разноцветные палатки, где рукодельницы и мастера Серебрянска станут предлагать свой товар. Рядом — самый большой самовар, лотки с пирогами, позовём ребят из оркестра, пусть что-то народное играют. Ну, как в «Иване Васильевиче меняет профессию»: тили-тили, трали-вали... Только надо расчистить от снега левый край.

— Левый нельзя, — Виктор Викторович шумно отхлебнул чай и промокнул губы платком. — Там, предположительно, находились подземные ходы. А они в очень плохом состоянии. Могут обвалиться. У меня земляные работы в той местности только на следующий год запланированы.

— А справа можно? — Вера ловко подлила кипятка в его чашку и отправила туда же кусочек сахара.

— Надо смотреть, — начальник отдела благоустройства задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Так давайте посмотрим! — Вера подалась вперёд, глаза её азартно блестели. — Это же такое событие можно замутить! Национальный канал снимать примчится, тапочки теряя! Может, вы даже станете человеком года нашего городка!

— Ладно, — Виктор Викторович утёр ладонью губы и сдался. — Уговорили. Пушу вас в архив. Только под строгим присмотром! И руками ничего там не трогать! И все моменты записывать!

Он быстро набросал что-то на листе своей толстой тетради, почесал подбородок, покачал головой.

— Я лучше с вами пойду. А то вы точно забудете мне что-нибудь рассказать. А я должен быть в курсе всех дел! Как-никак — я самое ответственное лицо!

— Конечно! — Вера тихонько захлопнула в ладоши за его спиной, чтобы начальник не видел. — Так, несомненно, будет лучше!

— Только быстро! — Виктор Викторович натянул на голову ушанку и обмотал вокруг горла шарф. — У меня дела вечером. Важные.

— Одна нога здесь, другая там! — подхватила Василиса, подавая ему увесистую папку с бумагами.

— Верунь, — шепнула Василиса, когда начальник отдела благоустройства вышел за дверь кофейни, — ты гений. Я уж думала, этот танк не прошибить.

— Это мы ещё посмотрим, — усмехнулась Вера, глядя, как Виктор Викторович борется с непослушным шарфом, которым решил поиграть ветер. — Архив, подвалы, карты... Что-то мне подсказывает, что это только начало. Беги, догоняй наше сокровище. — Усмехнулась Вера, подталкивая подругу к выходу. — Надо же как-то красиво обосновать, что и как будет на ярмарке с исторической точки зрения. Он нам архив — мы ему почёт и уважение от всех столичных телекомпаний за достоверность. Забыла?

Василиса смешно чмокнула подругу в нос и, натянув пальто, выскочила следом за Виктором, успев крикнуть, что завтра забежит в гости. Вера смотрела, как за окном падал снег, укутывая Серебрянск в белую тишину, и думала, какие тайны их ждут в пыльных папках архива. А может, и не только они...

Глава 6

— Василис, а что имел в виду Виктор, говоря про скелеты? — Вера, убирая с огня турку, покосилась на подругу, которая рассеянно гладила развалившегося на полу Пса. — Он что, тебя чем-то шантажирует?

— Понимаешь, Верунь, — Василиса помолчала, собираясь с мыслями, — это не первые странные события в Серебрянске. Я с Виктором в одной школе училась. Однажды возвращаемся после уроков, а у каждого на пороге — по открытке с видами города. Только не современного, а дореволюционного. Ну мы с друзьями весь город оббегали, разыскивая все дома с картинок. Какие только подвалы и чердаки не облазили. Поначалу думали, что игра такая. У нас директор был — историк, любил устраивать такие забавы, чтоб дети лучше узнавали Серебрянск, гордились его богатым прошлым. Я, в общем-то, из-за него в археологию и подалась.

— Не отвлекайся, — Вера подала подруге чашку с кофе и тарелку с кексами. — Что там случилось, пока играли в «казаки-разбойники»?

— Был у нас один мальчик, Юра, старший брат вашего кондитера Леночки. Ему досталась открытка с монастырём. Родители, конечно, запретили нам туда лезть.

— Почему? — Вера включила воду и принялась мыть картошку.

— Он тогда наполовину разрушенный стоял. Его лет десять назад только восстанавливать начали. Дыры в полу. Перекрытия хилые. Крыша местами обвалилась. В общем, предки боялись, что пойдём мы туда — костей не соберём. Мне мать так и сказала: «Васька, узнаю, что в монастырь пошла — высеку! А если не вернёшься — найду и прям там же прикопаю! Чтoб ерундистикой не мучилась и матери седых волос не прибавляла!»

— Но вы, конечно, не послушались.

— Конечно. Вместо уроков пошли. Там на открытке была изображена стена с такой интересной выемкой, вроде мини-полочки с аркой. Ну мы и размечтались, что за ней граф Воронцов сокровища свои спрятал. Разбились по парам и разошлись в разные стороны. Я с Юрой была. Нашли мы эту стену и выемку, и кирпич, за которым Юра ключ обнаружил. Красивый, старинный, с клеймом графа на головке. А потом Юра упал в колодец. Я так испугалась, что подумаю, будто я его специально толкнула, что никому про ключ не сказала, кроме Виктора. Юру так и не нашли. А наш драгоценный начальник отдела благоустройства с тех пор как подорванный ищет эти сокровища и требует у меня ключ. А я сама не помню, куда его закинула! Вот только Виктор не верит и грозит всем рассказать, что это именно я Юру...

— Надо же, гад какой! — Вера решительно разрезала картофелину пополам. — Никогда бы не подумала. Всегда такой вежливый, на вы... Ой, мне же теперь надо как-то Леночку спасти от такого...

— Не переживай, — усмехнулась Василиса. — Кто-кто, а Леночка твоя вовсе не кисейная барышня. Это только ты во всех видишь солнышки, а тучки в упор не замечаешь, пока в тебя молнией не попадут. И то сочтёшь за шальную и пожаришь на костерке яичницу.

— Ладно тебе, яичница. Что с Виктором делать будем? — Вера поставила сковороду на огонь.

— Придётся делиться.

— Кладом?

— Пока только информацией.

— Которой у нас ещё недостаточно.

— Виктор ждёт нас сегодня в пять у архива, — схватила половинку сырой картофелины Василиса и аппетитно захрустела. — С детства обожаю. — пояснила она на недоумённый взгляд подруги. — Мать вечно была занята, забывала забрать из детского сада. Так что, когда я одна в группе оставалась, воспитательница меня со сторожем оставляла. А тот, чтоб я

ему под ногами не мешалась, пока он своими делами занимается, то морковку сунет, то вот, картофелину сырую. С тех пор и грызу.

— Печально... — вздохнула Вера и, озорно улыбнувшись, протянула Василисе чищеную луковичу.

— Зараза! — расхохоталась подруга. — Давай нож, нашинкую. Надо же как-то обед отрабатывать.

Через два часа подруги, сытые и довольные, вышли из дома. Виктор Викторович сдержал обещание. Ровно в семнадцать ноль-ноль он встретил подруг у дверей городского архива, сжимая в руках связку ключей, позвякивающую, как кандалы привидения.

— Доброе утро, девушки, — начальник отдела благоустройства поправил очки. — Напоминаю условия: руками ничего не трогать, все наблюдения записывать, без меня из архива не выходить.

— А кофе можно? — тут же встряла Вера, похлопав себя по объёмной сумке. — Я термос захватила и кексики. Для поддержания мозговой активности. Кто знает, сколько времени нам потребуется.

Виктор лишь покачал головой, никогда не понимал женской логики, видимо, и не стоило начинать.

— Идёмте, — буркнул он и повернул ключ в замке не приметной двери в торце здания, за которой обнаружилась крутая лестница, ведущая как вверх, так и вниз.

Архив Серебрянска размещался в полуподвальном помещении с крошечными окошками под потолком, забранными решётками. Воздух здесь был на удивление свежий, без ароматов пыли и плесени, и пах ещё чем-то неуловимо сладковатым — возможно, старым деревом, а может, той особой атмосферой тайны, которая всегда витает в местах, где хранятся забытые документы.

— Ого, — выдохнула Вера, оглядывая бесконечные стеллажи, уходящие в полумрак, — здесь можно заблудиться.

— Не заблудитесь, — заверил Виктор Викторович, зажигая свет. Жёлтые лампочки под потолком замигали, оживая, и тени замесились по стенам. — Я эту обитель как свои пять пальцев знаю.

Василиса тем временем уже нырнула в один из проходов между стеллажами. Уж кто-кто, а она точно знала, где надо искать. Не зря же на историка училась.

— Так, где у нас фонды девятнадцатого века? Ага, вот эта секция. Виктор, ключ от витрины с особо ценными документами у тебя? — Василиса даже не заметила, что вновь стала обращаться к однокласснику на ты.

— У меня, — начальник отдела благоустройства нашарил в кармане маленький ключик и так же свернул за стеллажи. — Только осторожно! Это редкие материалы!

— Само собой, — фыркнула Васька.

Вера, оставшаяся одна стоять посреди комнаты, заинтересованно оглядывалась. Тишина здесь стояла особенная — плотная, вязкая, нарушаемая только тиканьем часов, висящих на стене. Девушка провела ладошкой по коробкам, стоящим на полках, попробовала заглянуть в одну из них. Сдвинула крышку. Заглянула. Где и что искать, она плохо представляла. Другое дело Василиса, не одну собаку съевшая на поисках разных интересных штук.

— Эй, вы где? — заглянула между стеллажами девушка.

— Иди сюда! — раздался голос подруги откуда-то справа.

Обойдя несколько стеллажей, Вера наконец увидела Виктора и Василису, стоявших в самом конце узкого прохода, у глухой стены. В руках подруга держала толстую папку, перевязанную бечёвкой. «Переписка графа А.Н. Воронцова с различными лицами. 1905-1917 гг. (несистематизировано)» — прочла Вера, подойдя ближе.

— Смотрите, — Василиса дрожащими руками развязала бечёвку и извлекла из пачки пожелтевший конверт. — Это одно из писем графа к сестре, Анне Николаевне. Датировано апрелем семнадцатого.

Девушка осторожно вынула листок, развернула.

— «Дорогая Аннушка, — начала читать Василиса, — пишу тебе в спешке, ибо обстановка в городе тревожная. Боюсь, что мои опасения относительно судьбы нашего родового гнезда оправдаются. Посему решился я на отчаянный шаг. То, что не смогу увезти с собой, спрячу надёжно. И не надейся найти сие без помощи особой, коей владеет лишь тот, кто носит в себе кровь нашу. Игрушки, что ты так любила в детстве, укажут путь, но не прямым указанием, а намёком. Помни, как в былые времена мы с тобой искали пасхальные яйца в саду? Самый сладкий приз всегда оказывался там, где его меньше всего ждали. Так и тут: ищи не там, где светло, а там, где тени сходятся. И пусть луна осветит тебе дорогу, когда придёт срок...»

— Тени сходятся, — прошептала Вера. — Как те две тени у монастырской стены!

— Погоди, это ещё не всё, — Василиса перевернула страницу. — «Прилагаю к сему письму старую фотографию нашего сада. Может, она тебе пригодится. А ещё прошу тебя, береги куклу, что я подарил тебе на пятидесятилетие. Она не простая, как ты знаешь. Если когда-нибудь нам суждено будет воссоединиться, эта кукла станет ключом к нашему наследству...»

Василиса посмотрела на Веру.

— Понимаешь? Кукла! Как бы проверить, ту ли мне подбросили. Но если они даже просто из одной коллекции...

— Непонятно, зачем вообще её тебе оставили... — потёрла мочку уха Вера и поняла, что проголодалась. Загадки всегда возбуждали в ней зверский аппетит.

— Дайте-ка сюда, — Виктор Викторович забрал письмо и поднёс его к свету. — Это же надо... Все эти годы документы лежали здесь, а я... я даже не знал, что в этой папке. Думал, там только хозяйственные записи какие-то.

— А фотография? — спросила Вера. — Там есть фотография?

Василиса снова зарылась в папку и через минуту торжествуя извлекла пожелтевший, потрескавшийся на сгибах снимок.

На нём был запечатлён старый парк – видимо, тот самый, что когда-то окружал усадьбу Воронцовых. В центре, под развесистым дубом, стояли двое: взрослый мужчина в сюртуке и совсем юная девушка в светлом платье. Их лица почти стёрлись от времени, но сомнений не было.

— Это граф и его сестра Анна, — уверенно сказал Виктор Викторович. — Почти так же они выглядят на парадном портрете в музее.

— А что у них в руках? — Вера прищурилась, склонившись над фотографией.

Девушка держала куклу. Даже на выцветшей фотографии было видно, что это та самая фарфоровая красавица, что сейчас сидела между двумя медведями в доме Василисы. Тот же фасон платья и кудрявые волосы. Кукла смотрела прямо в объектив, и даже на старом снимке казалось, что её глаза светятся изнутри.

— Вот оно, — выдохнула Василиса. — Доказательство.

— Чего? — не понял Виктор Викторович.

— Того, что куклы — не просто игрушки. Это ключи. И та, что подбросили мне, — она из этой пары. И если мы найдём вторую и соединим их...

— ... они укажут на место, — продолжила за подругу Вера, — где спрятаны сокровища. Но граф писал о тенях, о луне... Это всё астрономия, алхимия. Надо знать точное время и место, чтобы тени сошлись.

— А ещё надо знать, где зарыта та кукла, что с Анной, — добавила Василиса. — Если она вообще зарыта. Может, её увезли, продали, потеряли...

— Нет, — перебил её Виктор Викторович, внимательно разглядывая снимок. — Посмотрите на задний план. Видите эту беседку? Она и сейчас стоит в парке усадьбы. И дуб этот тоже сохранился. Тень от него в определённое время падает на...

Он замолчал, и лицо его вытянулось.

— На что? — в один голос спросили подруги.

— На склеп, — тихо сказал Виктор Викторович. — Семейный склеп Воронцовых. Тот самый, что перенесли пять лет назад, когда грунт осыпался. А до этого его точная копия стояла в парке. Дед Воронцова был с большими причудами.

В комнате повисла гнетущая тишина.

— Подождите, — медленно произнесла Вера, — это что получается, сокровища всё это время лежали под могилами? И когда их переносили...

— ... могли найти, — закончил за неё Виктор, — или нет. Учитывая, что до сих пор не всплыло ничего, что можно было бы назвать частью клада.

— А кто-то ещё интересовался сокровищами вот так, серьёзно? — достала из сумки пакет с кексами Вера.

— Да все! — хмыкнул Виктор. — Начиная с первых коммунистов и заканчивая нынешними детсадовцами.

— И все искали не там и не то... — протянула Василиса, откусывая от кекса.

— И мы в том числе, — кивнула Василиса, — а теперь, когда мы нашли письмо и фотографию...

— Можем оказаться впереди планеты всей! — хлебнула кофе из крышки термоса Вера.

— Рассказывай, — потребовала Василиса, повернувшись к Виктору, — что ты знаешь про склеп?

Виктор Викторович колебался лишь секунду. Потом решительно кивнул, захлопнул папку и сунул её обратно в коробку.

— Сейчас уже темно. Завтра у меня совещание в мэрии и делегация из стройкомпании. Встретимся послезавтра, посмотрим, что и где было.

Небо за стенами архива было усыпано звёздами. Подморозило. И почему-то, глядя на бесконечность открывшейся вселенной, Вера была уверена, что они разгадают эту загадку. Клад, хотя бы один, будет найден.

Глава 7

Утро. Вера открыла глаза и посмотрела в окно. Жемчужное солнце не слепило, не звало за собой начинать новый день. Там, на улице, мягкими хлопьями падал снег, засыпая дороги и тропинки вместе с чертыхающимися дворниками. А как им не ругаться, если за ночь выпала чуть ли не половина месячной нормы? Это детям и собакам в радость: одним не надо идти в школу, зато можно лепить снеговиков, снежные крепости и кататься с горок сколько влезет; другим — закапываться в сугробы по самые уши.

Девушка сварила кофе, накормила хвостатых и выпустила их во двор — порезвиться. Включила ноутбук. Как-то все эти серебрянские легенды прошли мимо неё. Нет, конечно, в кофейне она много чего наслушалась: и про дома с привидениями, и про клады, спрятанные чуть ли не под каждым камнем мостовой, и про сумасшедшую монахиню, чья неупокоенная душа бродит по монастырю в поисках истинного света. Но сплетни есть сплетни, пусть даже и из таких проверенных источников, как старейшие жители города, видевшие всё собственными глазами. Вера подозревала: если бы в Серебрянске нашли зубы мамонта, пенсионерки по ним определили бы, как этих мамонтов звали и кто их разводил. А ей надо было чуть расширить географию слухов. Конечно, можно всё спросить у Василисы или чудеснейшей Людмилы Петровны, но для этого надо вылезти из пледа, одеться и дойти до одной из них. А у неё выходной. И очень хотелось провести утро, окружив себя подушками, неспешно попивая кофе и ни с кем не делясь синабоном.

Как оказалось, кроме уже известных девушке графа Аркадия Николаевича и его сестры Анны, в семье было ещё три старших брата, умерших до совершеннолетия и похороненных на семейном кладбище рядом с родителями. Теперь этот участок вошёл в состав Серебрянского погоста, и Вера подозревала, что именно их могилы были потревожены в ту же ночь, когда подломали лавку Василисы. Интересно, а эти любители мертвецов откуда узнали про подсказку? И вообще, знали ли, или на удачу решили рискнуть? А что, если на самом деле не хотели что-то украсть из захоронений, а наоборот — подбросили? Василисе, например, оставили шикарнейшую куклу, может, и на могилах что-то можно найти.

Не успела Вера додумать эту мысль, как во входную дверь поскреблись. Вернулась её великолепная троица: в снегу и сосульках. Пёс с Алисой немедленно прошлёпали к мискам за вторым завтраком, после чего завалились под стол, сделав вид, что у них отвалились не только лапы, но и хвост, напрочь отказавшись сопровождать хозяйку до кладбища. Зато Юлька была настроена решительно. Вера подозревала, что птица рассчитывала получить к шляпе камзол и сапоги. Сама же девушка очень надеялась, что Степаныч, кладбищенский сторож, сегодня в хорошем настроении и уделит ей немного времени.

— Ну что, Юлька, — крутилась у зеркала Вера, любуясь новым шарфом цвета ежевичного мороженого, — как думаешь, разгадаем мы этот ребус?

— Кхррр, — ворона уселась ей на плечо и тоже уставилась в зеркало. Красотка.

— Так, — Вера заглянула в кухню, — без меня дом не разносить, всех впускать и никого не выпускать. Скоро буду!

В ответ раздался дружный храп из-под цветастой скатерти.

Снег похрустывал под ногами. Деревья покрылись инеем. Скупое солнце пробивалось сквозь плотные облака, растекаясь по крышам медовым киселём. С Васильковой улицы Вера свернула на центральную площадь, и аромат свежего хлеба из булочной сменился запахом машинного масла и можжевельника. Видимо, местный смотритель за временем пролил немного, когда смазывал большие часы на ратуше — в последние дни они стали отставать на семь минут. С площади Вера свернула в Анютин переулок. Тут вотчина травников. Немного

замедлила шаг, вдыхая благоухания лета. Удивительно, как становилось тепло на душе от чуть горьковатых и терпких ноток чабреца, мелиссы, зверобоя и сотни других, неизвестных ей трав.

— Кхррр... — вывел из транса Юлькин голос.

Эта плутовка успела взлететь на ветку дерева и теперь скакала по ней, сбивая на Веру снежные хлопья.

— Кхррр... — смеялась ворона и озорно косилась, пытаясь определить, не злится ли хозяйка.

— Редиска! — Вера погрозила ей пальцем в перчатке и рассмеялась.

Вывеска лавки, у которой они остановились, обещала «Поэтический чай». Вот ведь Юлька — птица, а лучше хозяйки сообразила, что с пустыми руками в гости не ходят. Девушка толкнула дверь. Звякнул колокольчик.

— Добро пожаловать! — из-за прилавка улыбнулся сухопарый мужичок. — Вам помочь с выбором или вы любопытствовать?

— Я... мы, — тут же поправилась Вера, поглаживая лапки вцепившейся в плечо вороны, — любопытствовать и да, нам помочь. Что бы вы посоветовали для человека, обожающего Гёте?

— К Степанычу в гости идёте? — прищурился продавец, вышел из-за прилавка к шкафику и вынул один из многочисленных ящичков. — Тогда вам нужен китайский зелёный чай из провинции Фуцзянь. Мягкий вкус и утончённый букет. Вот, понюхайте. Чувствуете аромат бразильского ореха и кешью? А фруктово-цветочные оттенки? После заварки аромат станет тягучим и насыщенным, с нотками полевых трав, тропических фруктов и орешков.

— Берём, — кивнула Вера, ощущая, что может задержаться тут надолго, а сейчас не может себе этого позволить. Лучше забежать в другой день. Расплатившись за покупку, она снова вышла в морозное утро.

Анютин переулок упирался в реку, разделившую город пополам. На этой стороне основная, старая часть города, на другой — монастырь и дома, построенные в последние лет пятьдесят-семьдесят. В реку впадал ручей, через который перекинули каменный мостик с ажурными перилами. Перейдя через него, Вера попала к воротам храма. За ним располагалось кладбище. У самого входа — сторожка. Хотя сторожкой этот домик язык не поворачивался назвать. Добротный деревянный сруб на две просторные комнаты и кухню с печкой. Степаныч был дедом суровым, не терпел беспорядков — ни себе не позволял, ни другим не давал. Одна у него была слабость — Гёте. Собирал старик всё, что с ним связано: книги, газетные вырезки, статуэтки, рисунки, даже минералы и растения, потому что этим увлекался поэт. А значит, и он, Иван Степанович, должен про все эти штуки знать всё! Иначе никакой он не почитатель великого таланта, а так, мимо проходящий восторженный балбес, ничего в этой жизни не понимающий!

Вера слушала рассуждения Степаныча и кивала, грея руки о тёплый бок печки, выложенной изразцами. Благо подарок от них с Юлькой пришёлся кладбищенскому смотрителю по душе, и сейчас, обдавая заварник кипятком, он пространно рассуждал, что всё в немцах хорошо, кроме скупердяйства.

— Вот взять хотя бы Гёте. Пригласил однажды этот великий человек Александра Шаховского на чай, — Степаныч покосился на Веру одним глазом, — слышала про такого?

— А то, — бодро ответила Вера. — Драматург и театральный деятель. — Хорошо, что всё своё детство она провела в библиотеке. Знания, конечно, были поверхностны, но довольно разнообразны. И несколько водевилей князя по юности прочла.

— Молодец! — усмехнулся Степаныч, засыпая в заварник травки.

Девушка облегчённо выдохнула. Конечно, от деда ещё последуют каверзные вопросы, но главное — старик уже принял решение о продлении разговора. Скажи она, что понятия не имеет, кто такой Шаховской, выгнал бы вшаей.

— Так вот, для нашего, русского человека чай это что? — поставил на стол пузатый чайник Степаныч и повернулся к буфету за чашками.

— Пироги с баранками?

— Соображаешь! — удовлетворённо кивнул дед. — А немцы – народ прижимистый. Сказал «чай» — значит, будет только чай! А наш-то, не будь дураком, к чаю бутербродов разных потребовал да пирогов. И что ты думаешь дальше было?

— Кхррр... — Юлька выхватила из хозяйского кармана пальто чек.

— Молодец! — улыбнулся Степаныч и покрошил на газетку печенье. — Держи, заслужила. И ты давай к столу садись, чаёвничать будем.

— Дед Иван, неужели и вправду Гёте Шаховскому счёт выставил? — Вера пододвинула табурет поближе.

— А натурально! Говорю же — прижимистый народ эти немцы. И даже то, что сам пригласил, роли не играет. Вот мы, русские, – это душа! От нас никто ещё голодным не уходил!

— Дед Иван, — Вера налила чай в блюдечко. Пить, как Степаныч, кипятком не могла, из ложечки – дед обидится. А вот так, по-купечески, не против. Что с неё взять, городская! — Я на самом деле не просто так зашла. Дело у меня.

— Да уж понял, не дурак. — Степаныч сломал в кулаке сушку, прежде чем макнуть её в чай. — Явно не просить помочь найти бабкину могилку. Вы и при жизни не общались, так и после похорон нечего начинать. Дурная была старушонка. Одно только хорошее дело и сделала – оставила тебе дом. И на том спасибо.

— Да ладно, дед Иван, я на неё зла не держу. Лучше скажи, те пять могил, что потревожили, — Воронцовых?

— Их самых.

— А когда их осматривали, ничего странного не нашли? Может, появилось что-то, чего раньше не было?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.